

А. С. Иванов, В. В. Рашевский
**СЕВЕР В «БОЛЬШИХ» И «ВЕЛИКИХ» НАРРАТИВАХ
 ГЕОЛОГИЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ***

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-164-172

УДК 929

ББК 72.31

В исследовании на основе анализа серии биографических интервью предпринята попытка представить проработку социально-культурного понятия «Север» как части социально обусловленного процесса, структурирующего биографии участников профессионального коллектива геологов, а также включить память коллектива геологов в широкий социокультурный контекст эпохи. Анализ различных типов повествований («больших» и «великих») геологического освоения позволяет авторам проследить создание цепи взаимосвязанных рассказов, соединяющих нас с сообществом исторического происхождения и совокупностью их опыта. Абстрактные образы Севера как территории прогресса и опережающего развития в рассказах рядовых геологов вытесняются метафорой «стройки через всю жизнь», которая объединяет их индивидуальный северный опыт, привязывая его к строениям, организациям и фигурам прошлого и настоящего. Фигурой памяти, встраивавшей «большие» нарративы участников геологического освоения в пирамиду нарративов всероссийской памяти, является Ф. К. Салманов. Представленная им *grand*-версия нарративов выходит за рамки Севера. Постсоветские тексты пронизаны мотивами эмансипации геологического сообщества, а сам Салманов представлен в них в качестве создателя профессионального сообщества, обладающего не только северным, но и уникальным общесибирским опытом. Использование геологом практик переключения масштабов знаменует шаги на пути превращения «большого» нарратива Ф. К. Салманова в «великую» историю национального масштаба, текстов на службе настоящего и будущего геологического сообщества и всей страны.

Ключевые слова: геологи, большая нефть, нарративы, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, Ф. К. Салманов

Введение

В сентябре 1957 г. в Сургуте высадились первые геологоразведчики во главе с Ф. К. Салмановым, была образована Юганская партия структурно-поискового бурения, которая подчинялась Новосибирскому геологическому тресту. В 1958 г. на ее базе была организована Сургутская нефтеразведка. В сентябре 1959 г.

была образована Сургутская нефтеразведочная экспедиция (далее — СНРЭ), первым руководителем которой был назначен Ф. К. Салманов. Геологоразведчик является одним из первооткрывателей нефти в Западной Сибири, признанным специалистом в области наук о Земле, а также почетным жителем города Сургута и северных округов. СНРЭ открыла первые месторождения нефти в Среднем Приобье, в числе которых Мегионское, Усть-Балыкское, Западно-Сургутское и др.

История геологических открытий и становления Западно-Сибирского нефтегазового комплекса относится к числу тем, хорошо изученных в историографии. Здесь необходимо выделить работы историков тюменской школы: Н. Ю. Гавриловой, В. П. Карпова, Г. Ю. Колевой, М. В. Комгорт.¹

Авторами, прибегающими к использованию инструментария имагологии, выделен ряд групп историко-географических и социально-психологических образов Севера/Сибири/

Иванов Александр Сергеевич — к.и.н., с.н.с. лаборатории исторической географии и регионалистики, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
 E-mail: 88d@bk.ru

Рашевский Василий Викторович — заведующий, Мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф. К. Салманова», Сургутский краеведческий музей (г. Сургут); м.н.с. лаборатории исторической географии и регионалистики, Тюменский государственный университет (г. Тюмень)
 E-mail: vasilij_bftv87@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Тюменской области, проект № 20-49-720017 «Открытие “Большой нефти” в нарративах и исторической памяти тюменских геологов: дискурсивные практики и коммеморативные паттерны» (рук. И. Н. Стась)

¹ См.: Западно-Сибирский нефтегазовый проект: от замысла к реализации / Карпов В. П. [и др.]. Тюмень, 2011; Комгорт М. В. Открытие Западно-Сибирской нефтегазовой провинции (1920–1960-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2020.

Арктики. Идентифицированные авторами образы отличают универсализм и, с некоторыми оговорками, положительные коннотации, осмысливаемые в различных комбинациях в интегративном мотиве «северного притяжения» (М. Г. Агапов, В. П. Клюева)² и «мифологеме героического преобразования края» (О. Н. Стафеев).³ Содержание имеющихся в историографии работ ставит вопрос о необходимости локализации и контекстуализации выявляемых образов применительно к отдельным историческим периодам и сообществам с целью их правильного прочтения, декодирования и понимания.

В середине 2000-х гг. исследователи также стали говорить о второй волне нарративного поворота или второй волне нарративного анализа. В центре внимания здесь оказалось соотношение «больших» и «малых» историй (*small and big stories*) в практиках анализа. Появление концепции «малых» рассказов (историй), представляемых как своего рода «формула противоядия» от засилья давней традиции «больших»⁴ и «великих»⁵ нарративов, — это составная часть большого шага в рамках второй волны «нарративного поворота», знаменующая переход от изучения повествования как текста (первая волна) к изучению повествования в контексте.⁶ Теоретическая база для исследования данных групп нарративов представлена в работах М. Фини, А. Георгакопулу («малые» нарративы),⁷ М. Фримана («большие»),⁸ Ж. Лиотара («великие»).⁹

² См.: Агапов М. Г., Клюева В. П. «Север зовет!»: мотив «северное притяжение» в истории освоения российской Арктики // Сибир. ист. исслед. 2018. № 4. С. 6–24.

³ См.: Стафеев О. Н. Образ Севера Западной Сибири эпохи индустриализации в трудах мемуаристов // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов III регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 274–281.

⁴ Big stories — классические личные биографии / биографические интервью, включающие все этапы жизненного пути индивида.

⁵ Grand stories — особого вида нарративы легитимации/делегитимации и эмансипации, субъектом в которых выступает нация / народ / страна, в то время как акторы памяти, занимающиеся их распространением, как правило, вовлечены в принятие решений, определивших жизнь многих тысяч и даже миллионов индивидов.

⁶ См.: Georgakopoulou A. Thinking big with small stories in narrative and identity analysis // Narrative Inquiry. 2006. No. 1. (vol. 16). P. 123.

⁷ См.: Ibid. P. 122–130; Fina M. D., Georgakopoulou A. Analyzing Narrative: Discourse and Sociolinguistic Perspectives. Cambridge, 2013; Georgakopoulou A. Narrative performances: a study of modern Greek storytelling. Amsterdam; Philadelphia, 1997.

⁸ См.: Freeman M. Life “on holiday”? In defense of big stories // Narrative Inquiry. 2006. No. 1. (vol. 16). P. 131–138; Idem. Telling stories. Memory and narrative // Memory: histories, theories, debates. New York, 2010. P. 263–277.

⁹ См.: Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Minneapolis, 1984.

В целях контекстуализации представляемого информантами прошлого нами также использован метод биографического структурирования, предложенный немецкими исследователями В. Фишером и М. Гоблирш.¹⁰ Настройки биографического структурирования дифференцированы и варьируются от случайных разговоров между незнакомыми людьми до биографических самопрезентаций, что позволяет использовать этот теоретический концепт для переключения в широком поле между «большими» и «великими» нарративами, координируя работу с разными типами повествований. Выбранная нами исследовательская оптика позволяет на основе серии биографических интервью представить проработку социально-культурного понятия «Север» как части социально обусловленного процесса по структурированию биографий участников профессионального коллектива геологов, а также включить память коллектива геологов в широкий социокультурный контекст эпохи.

Основой исследования является серия биографических интервью, собранная нами в 2010–2014 гг. Устные нарративы принадлежат сотрудникам Сургутской нефтеразведочной экспедиции, рассказы охватывают период конца 1950-х — середины 1960-х гг. Особое внимание уделено письменным нарративам начальника экспедиции Ф. К. Салманова.¹¹

«Север» в «больших» устных нарративах геологов

Автобиографическая память и нарратив схожи: то, каким образом мы помним, и то, каким образом мы говорим, пропитано конвенциями со схематической или даже стереотипной подачей личного прошлого, полученной из бесчисленных источников, многие из которых внешние по отношению к нашему личному опыту. Нарративы, с которыми мы имеем дело, представляют собой в значительной части совокупность конвенционных клише (в том числе образов), которые воспроизводятся информантом «по памяти».¹² Пространство

¹⁰ См.: Fischer W., Goblirsch M. Konzept und Praxis der narrativ-biographischen Diagnostik // Sozialpädagogische Diagnostik und Fallverstehen in der Jugendhilfe. Weinheim; München, 2004. S. 49–59; Idem. Biographical structuring: Narrating and reconstructing the self in research and professional practice // Narrative Inquiry. 2006. No. 1. (vol. 16). P. 28–36.

¹¹ См.: Стафеев О. Н. Воспоминания Ф. К. Салманова как исторический источник развития нефтегазового комплекса Западной Сибири в 1960–80-е гг. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2007. № 294. С. 166–169.

¹² Freeman M. Telling stories. Memory and narrative. P. 265.

нарративов очерчивается тем самым совокупностью социальных конвенций, принятых в геологическом сообществе, а также тем, кому доверено право говорить от имени этого сообщества. В нашем случае это мужчины и женщины (геологи), относящиеся к отраслевым ветеранским организациям.

Выявленные исследователями и обозначенные нами выше образы Севера в рассказах представителей геологического сообщества подчинены определенному паттерну. В первые моменты появления на тюменском Севере люди сталкиваются с иным климатом и северной природой.¹³

Так характеризует свои впечатления инженер по бурению Андрей Николаевич Стрельченко: «Я родился на Украине, там вырос. После учебы были на выбор Тюмень, Ханты-Мансийск и Омск, я выбрал Тюмень. По распределению попал в Покровскую партию, позже был переведен инженером по бурению в Березово.

Климат на Украине и у нас здесь, конечно, нельзя и сравнить. Там даже зимой почти снега может не быть, а здесь сугробы порой с человеческий рост. Погода такая порой непредсказуемая была. Как-то по работе был в Ханты-Мансийске, а мне нужно было к семье в Березово. А там снег, ветер такой зарядили, да на несколько дней подряд, что ни туда, ни оттуда паромы не ходили. Пришлось ждать, пока все утихнет, две недели почти ждал, и лишь потом теплоход пошел вниз, так я смог попасть в Березово».¹⁴

Непредсказуемость природы символизирует здесь неопределенность профессионального будущего и в то же время необходимость найти себя в новых природно-климатических («сугробы с человеческий рост») и пространственно-географических («пришлось ждать, пока все утихнет», «теплоход пошел вниз») условиях пространства Севера, адаптироваться к новой среде.

Следующим этапом стала адаптация к условиям социальной среды Севера. Рассказ главного геолога СНРЭ Е. А. Теплякова фиксирует неожиданное столкновение с разделением социального пространства на «правовой центр» и отведенную для ссыльных периферию: «Сургут, он же складывался [исторически], да

и сейчас местные жители говорят: Сургут — это Сургут, а Черный Мыс — это Черный Мыс. Разделен был тогда Саймой, мостишко такой был деревянный по Сайме. И жизнь разная была в Сургуте и в Черном Мысу. В Сургуте это считалось испокон веков жили свои люди, из поколения в поколение. А Черный Мыс... приезжие были, большинство из ссыльных... советская власть, я имею в виду и Райком партии, и Райисполком, были в самом Сургуте».¹⁵

В этом рассказе показателен тот факт, что северные территории описываются как край с непривычной конфигурацией населения и зональностью его размещения. В этом контексте можно говорить, что Север воспринимался геологами скорее не как «край маргиналов», а как пространство разнообразия, территория, где они сталкивались с новыми формами конфигурации населения, режимами расселения и зональности.

Ознакомившись с «расстановкой сил на местах», геологоразведчики, как и представители других сообществ мигрантов, приступали к решению повседневных задач, связанных с обеспечением выживаемости своих семей. Достижение результата порождало различные образы и обеспечивалось на двух уровнях.

Во-первых, это было обеспечение личной и семейной «продовольственной безопасности». Процесс этот происходил в условиях конца 1950-х — первой половины 1960-х гг. с их нарастающим дефицитом в городах и «сельскохозяйственными неурядицами» на селе, превращением определенных продуктов в неофициальные, но устойчивые маркеры положения человека в системе социальных связей.¹⁶ Е. А. Тепляков рассказывал: «Почти все, кто в экспедиции работал, за исключением немногих, увлекались грибами, ягодой — брусникой, черникой, клюквой поменьше, потому что надо было далеко и за болото ходить. Любители были и шишкарки. В общем, они себя обеспечивали всем. Благо, богатства Сибири были не только в недрах — нефть и газ, но и природные, которые испокон веков были. Природа здесь уникальная, и это нужно ценить».¹⁷ Именно природа Севера давала возможность не стать пассажиром «колбасной электрички», в которую нужно было еще попасть. И именно

¹³ Гололобов Е. Сибирский Север: динамика образа — от *Barren Grounds* к *Northern Plain* // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 1. С. 137–152.

¹⁴ ПМА. Интервью Стрельченко А. Н. Тюмень, 2014.

¹⁵ ПМА. Интервью Теплякова Е. А. Тюмень, 2012.

¹⁶ См.: Лебина Н. Историк и антропологический поворот: общее и сугубо частное // *Пассажиры колбасного поезда: этюды к картине быта российского города: 1917–1991*. М., 2019. С. 11.

¹⁷ ПМА. Интервью Теплякова Е. А. Тюмень, 2014.

это и нужно было ценить северянам 1960-х гг. В той же модальности прочитываются и нарративы других геологоразведчиков, где рассуждения о природе перешлетаются с «продовольственными мотивами» (Гильманова Э. М.).¹⁸

Во-вторых, постоянные сложности геологи испытывали не только в области продовольственного снабжения, но и в части жилищного строительства (отсутствие нормальных жилищно-бытовых условий было причиной более половины увольнений геологов из СНРЭ в конце 1950-х гг.).¹⁹ Поэтому нарративы о первых годах пребывания на Севере фактически в каждом случае имеют в центральной своей части фрагмент, который можно назвать «воспоминания о самострое». ²⁰ Г. П. Титова рассказывает: «Когда приехали в Нефтеюганск в 1962 г., то жить было негде, а скоро подступала зима. Вместе с другими семьями стали строить засыпные дома. Все трудились, старшие дети помогали: ходили на болото, драли мох, которым потом утепляли стены. Благо, сибирская природа нам тут помогала со строительным материалом, быстро и качественно возвести свой дом». ²¹

Наиболее ярко эта тенденция проявилась в воспоминаниях геолога И. И. Пискулиной: «А начинать надо было с нуля... Где-то за месяца полтора-два мы собрали дом-то себе. Мы всю жизнь строились. Эти руки ничего не боятся, они все делали. И топор, и лом, все тут побывало, и бревна, и все было в этих руках. Я ничего не боялась». ²² В устных нарративах рядовых геологов выявляемые исследователями образы Севера как региона, «переходящего в новое состояние», ²³ региона «северного коллективизма» ²⁴ (коллективное «мы»), «новых людей», закаленных Севером, «индустриальных сибиряков-освоенцев» ²⁵ находят выражение в метафоре «стройки через всю жизнь», в чем также отражается «кочевой» характер геологической профессии.

Вместе с тем окончание периода адаптации в отдельных биографических рассказах связано с оседанием на Севере и начальным эта-

пом признания заслуг со стороны государства. Именно такую комбинацию мы находим в финальной части интервью Е. А. Теплякова: «Потом в 1959 г. летом дали нам квартиру — полдома. Были домики, как салмановский точно (как дом Ф. К. Салманова — А. И., В. Р.), пополам разделенный... Наш был домик на две половины. В одной половине мы жили, в другой половине Мордоренко Володя — начальник геофизической партии». ²⁶

Нарратив Е. А. Теплякова интересен не только фиксацией рубежного перехода жизни конкретного геолога в новое состояние, но и тем, что он фиксирует первый «начальственный опыт», который остальные геологи пережили позднее (основные домостроительные работы были завершены к 1959 г.). Но более всего рассказ Ефграфия Артемьевича примечателен тем, что в нем приводится отсылка к образцу того, что на сегодняшний день считается «домом геолога начала 1960-х гг.», — дому начальника Сургутской нефтеразведочной экспедиции Ф. К. Салманова, в котором он проживал с 1957 по 1961 г.

Именно вокруг этого дома сложился Мемориальный комплекс геологов-первопроходцев «Дом Ф. К. Салманова» Сургутского краеведческого музея. Комплекс дает нам явное описание геологической идентичности, которая кроется в физическом ландшафте, а сохранение именно этого деревянного дома с двускатной крышей дает образец места, «где жили настоящие геологи», и намек на время «настоящих героев», когда Салманов и его команда выступали акторами истории.

Также строения комплекса представляют нам геологическую версию Севера, поскольку Дом Салманова был сохранен в качестве образа всего доиндустриального прошлого северного города. Понимание эксклюзивности геологической версии прошлого усилится, если мы учтем тот факт, что предметы, представленные в доме, были отобраны мнемоническим актором (Сургутский краеведческий музей), который ежегодно 13 сентября проводит церемонию, приуроченную к годовщине высадки десанта геологов-первопроходцев 1957 г., с участием преимущественно членов ветеранских организаций, поддерживающих связь с музеем.

Наименование мест памяти служит средством отставания реальности и тем самым правоты («правдивости») определенной версии

¹⁸ ПМА. Интервью Гильмановой Э. М. Сургут, 2013.

¹⁹ ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2003. Л. 160.

²⁰ Нефтеюганск: Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция (1958–1972 гг.). Нефтеюганск, 2004.

²¹ ПМА. Интервью Титовой Г. П. Нефтеюганск, 2012.

²² Люди РФ. Он нашел нефть. Фарман Салманов (2018) [интервью с И. И. Пискулиной]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zr2vzosOfCg> (дата обращения: 20.05.2021).

²³ Стафеев О. Н. Образ Севера Западной Сибири... С. 274.

²⁴ Агапов М. Г., Ключева В. П. Указ. соч. С. 12.

²⁵ Стафеев О. Н. Образ Севера Западной Сибири... С. 276.

²⁶ ПМА. Интервью Теплякова Е. А. Тюмень, 2012.

прошлого, а следовательно, и настоящего.²⁷ Поскольку создание мест памяти публично санкционировано (проговорено), то любая подобная локация оказывается сопричастна к конструированию нарративов и даже «карт национальной идентичности»,²⁸ так как люди, находящиеся там, оказываются во «власти места». Как отмечает американский специалист в области публичной истории Д. Хейден, «власть места — это власть обычных городских ландшафтов воспитывать публичную память граждан, охватывать общее время в форме общей территории».²⁹

Выбор «начальственного» дома и фиксация его облика как образца дома геолога не были случайными. Именно к Салманову, а точнее к идеям, положениям и образам, зафиксированным в его письменных нарративах геологического освоения тюменского Севера, сегодня апеллируют как его сподвижники и последователи,³⁰ так и представители профессионального исторического сообщества. Самым ярким примером исторических исследований могут служить работы О. Н. Стафеева, в которых большая часть образов Севера/Сибири выстроена на основе салмановских нарративов.³¹

От «большого» к «великому»: письменные нарративы Фармана Салманова

Восприятие Севера разнится не только от профессионального коллектива к коллективу, но и от положения того или иного автора воспоминаний в нем, масштаба его личности. Многоуровневость масштабов исторического опыта находит прямое отражение в практиках нарратива. Описываемые авторами события второй половины XX в. сознательно или несознательно включаются ими в глобальный контекст, что порождает необходимость использовать прием переключения масштабов от глобального к региональному и локальному.³² Переключение масштабов опыта служит

изменению статуса и положения отдельных нарративов, представляет собой шаги на широком поле от «больших» к «великим» историям. В нашем исследовании совокупность письменных нарративов, сохранившихся в виде опубликованного эпистолярного наследия первооткрывателя сибирской нефти Ф. К. Салманова, может служить примером подобного «большого путешествия».

В книге «Сибирь — судьба моя» (1988) — первом «большом» письменном нарративе Ф. К. Салманова — при осмыслении северных опытов заметны «отеческие» коннотации, отмечающие намерение автора перевести свои жизнеописания в позицию «великих» нарративов. На страницах книги на тот момент заместитель министра геологии СССР определяет место геологических нарративов в иерархии памяти: «За десятилетия работы в Западной Сибири твердо убедился. <...> Так было, так есть и так будет до тех пор, пока существуют сложные регионы, пока есть трудные, горячие участки, которые и в мирное время называют передним краем».³³ Описываемые автором события (возможно неосознанно) включаются в глобальный контекст войн и потрясений последнего столетия. Военные аллюзии выполняют здесь функцию встраивания в пирамиду победных нарративов. Подобное видим и в нарративе фронтовика-геолога А. П. Панова: «Здесь, на Севере, набирала обороты борьба за сибирскую нефть. Трудиться нужно было на совесть, на благо Родины. Народ был закален войной, не боялся испытаний, многих не пугали трудности климата, невзгоды, сложности работы и быта, потому многие и ехали».³⁴ В данных суждениях Север представляется как место важнейшей битвы на переднем крае, имеющей ключевое значение для судеб Родины. Это не единственная отсылка к военным опытам.

Ф. К. Салманов косвенно (от противного) соотносит себя с «отцами-командирами» Второй мировой войны: «Первые в моей трудовой жизни руководители, возглавлявшие Плотовскую партию, относились ко мне свысока: беспрестанное подшучивание, насмешки. Таков был стиль обращения в этом коллективе. Руководители считали себя строгими начальниками, не в меру любили изображать из себя этаких суровых фронтовиков “отцов-командиров”: с первого же знакомства на “ты”

²⁷ См.: Hodgkin K., Redstone S. Introduction: contested pasts // Memory, history, nation: contested pasts. New York, 2003. P. 11.

²⁸ Ibid. P. 11.

²⁹ Hayden D. The power of place: urban landscapes as public history. Massachusetts, 1995. P. 9.

³⁰ См.: Маслова О. Фарман Салманов: «В любые времена нас называли первопроходцами» // Новостной портал «Ugra-News». URL: https://ugra-news.ru/article/farman_salmanov_v_lyubye_vremena_nas_nazyvali_pervoprokhodtsami/ (дата обращения: 20.05.2021).

³¹ См.: Стафеев О. Н. Образ региона. Индустриальное освоение Севера Западной Сибири в общественном сознании // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 360–370.

³² См.: Конрад С. Что такое глобальная история? М., 2018. С. 8, 9, 14, 15.

³³ Салманов Ф. К. Сибирь — судьба моя. М., 1988. С. 121.

³⁴ ПМА. Интервью Панова А. П. Сургут, 2010.

и по фамилии...»³⁵ Автор полагает, что только ветеранам-фронтовикам с их героическим опытом было бы позволительно «тыкать» подчиненным и нарушать правила межличностной коммуникации. В то же время, используя инструментарий переключения масштабов, геологоразведчик сравнивает себя с другими «отцами» нефтегазового освоения Севера, показывая свое происхождение — «хорошего отца» из «геологического простонародья». Все это служит закреплению позиций геологических нарративов в пирамиде памяти — как подвига мирного времени, не равного, но сопоставимого с подвигами Второй мировой войны, а также статуса самого Салманова как хорошего руководителя регионального уровня. Характерно, что в приведенном выше «отеческом» эпизоде произошло увеличение масштаба (путем перехода от аллюзий глобальной войны к уровню региональных руководителей). Итоги его пребывания в должности заместителя министра в Москве (1987–1991) и общенационального наследия было подводить еще рано.

Новый подход к переоткрытию своего «стабильного я» произойдет уже в постсоветский период. Чтобы изменить статус своих текстов, Ф. К. Салманову приходится отойти от описания повседневных практик отдельных геологических коллективов и своей роли в их функционировании, представить геологов в качестве новой общности, к созданию которой он имел непосредственное отношение. Книгам воспоминаний Ф. К. Салманова конца 1990-х — начала 2000-х гг. в той или иной степени присущ «профессиональный креационизм» — как саморепрезентация автора в качестве создателя профессионального сообщества, обладающего уникальным северным/сибирским опытом, который имел решающее значение для послевоенных судеб всей страны. С первых страниц «Жизни как открытия» (2003) мы видим стремление говорить от имени народа: «Геологи — народ особый! Закалку на прочность проходят — будь здоров! Особенно те, кто работал на Тюменском Севере: они закалку прошли жесточайшими морозами и беспощаднейшим гнусом приобских широт».³⁶ С позиций концепции grand-нарративов Ж. Лиотара нарративы Салманова этого периода могут быть прочитаны также как акт

эмансипации социальной группы со стороны носителя прогресса. В этом смысле важно помнить, что к моменту написания мемуаров Салманов был известным ученым — исследователем недр Среднего Приобья, доктором геолого-минералогических наук (1972),³⁷ своими «спекуляциями» в нарративах среди прочего легитимировавшим научный дискурс «большой нефти»,³⁸ а также борющимся с «неверием “авторитетов”-скептиков».³⁹

Важнейшая тенденция, характерная для салмановских нарративов постсоветского периода, — масштаб уменьшения, переход к масштабам общегосударственной и даже межгосударственной оптики. Наиболее рельефно эта динамика показывает себя при анализе практики использования автором регионимов «Сибирь» и «Север».

Проведенный нами на основе методики Л. Н. Мазур⁴⁰ контент-анализ указанных смысловых единиц показывает, что если в книге «Сибирь — судьба моя» (1988) Ф. К. Салманов использует в различных контекстах единицу «Север» на 17% чаще, чем «Сибирь» (104 против 86), то в книге «Жизнь как открытие» на смену «Северу» приходит «Сибирь», употребляемая в тексте 2003 г. в два раза чаще (334 против 155). Подобная практика переключения масштабов, конечно же, неслучайна и связана с осознанием Салмановым роста значимости и масштаба своей личности, для которой «Север» становится лишь одним из эпизодов и одной из площадок, на которой разыгрывались сцены жизненного пути, на котором автору лишь необъятная Сибирь представляется достаточной для демонстрации значимости сотворенных великих дел. Направленность этого процесса определилась уже в 1990-е гг. В вышедшей в 1997 г. книге «Кто толкает Россию к энергетической катастрофе» Ф. К. Салманов, говоря об итогах своей общественно-политической деятельности, отмечает: «Я обладал достаточно большими властными полномочиями и постарался внести посильный вклад в развитие дорогой мне сибирской земли».⁴¹ Через несколько лет

³⁷ См.: Он же. Закономерности распределения и условия формирования залежей нефти и газа в мезозойских отложениях Среднего Приобья: автореф. дис. ... д-ра геол.-мин. наук. Новосибирск, 1972.

³⁸ Lyotard J.-F. Op. cit. P. 33.

³⁹ Салманов Ф. К. Сибирь — судьба моя. С. 121.

⁴⁰ См.: Мазур Л. Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург, 2010. С. 164–180.

⁴¹ Салманов Ф. К. Кто толкает Россию к энергетической катастрофе. М., 1997. С. 38.

³⁵ Салманов Ф. К. Сибирь — судьба моя. С. 38, 39.

³⁶ Он же. Жизнь как открытие. М., 2003. С. 10.

эти размышления будут включены в книгу «Жизнь как открытие» (2003).⁴²

Калибровка масштабов может быть понята в контексте превращения Салманова в одного из патриархов-создателей ТЭК России. На страницах книги 2003 г. автор уверенно рассуждает с позиции человека, заботившегося «о судьбах многих тысяч людей, связанных с делом, которое стало нашей общей целью: поиск и добыча нефти и газа».⁴³ Ф. К. Салманов фиксирует и защищает основные достижения героического прошлого геологов, размышляет «о причинах многих наших бед в прошлом и настоящем».⁴⁴ Салманова также занимают думы не только о настоящем геологической профессии, но и о будущем: «Что же ждет наших детей и внуков? Куда мы вообще идем? Что мы за такой невезучий народ, что, не успев справиться с одной бедой, тут же сами навлекаем на себя еще большую? Так и живем почти весь двадцатый век, вначале создаем себе трудности, а потом их героически преодолеваем».⁴⁵

В последних книгах Салманова речь идет не только о будущем геологии, нефтегазового комплекса и России в целом (причем России как некой трансграничной сущности, соединяющей части СНГ). Венцом мемуарного творчества Ф. К. Салманова становится вышедшая в 2006 г. книга с говорящим названием «Я — политик: раздумья одного из создателей топливно-энергетической мощи страны».⁴⁶

Автор выходит за пределы Севера, на общесибирский и национальный уровень: раскрывая ключевые образы Севера, Салманов делает это на ином уровне. Если для рядовых геологов и даже начальства среднего звена (например, Е. А. Теплякова) их северный опыт может быть описан в виде формулы «что я/мы сделала/и на Севере», то для Салманова его северный вояж отличается иным уровнем восприятия — «как меня/нас изменил Север». Уже в тексте 1988 г. читаем: «Как-то услышал я такую фразу: “Люди преобразуют Север — Север преобразует людей”».⁴⁷ Для салмановских текстов также характерен другой уровень обобщения и абстрагирования при описании основных северных образов. Рисуя образы «суровой и неуютной» сибирской природы,

Ф. К. Салманов вплетает в свои рассуждения «дух сибиряка», «дух, [который] необязательно должен родиться в Сибири, он может развиваться где угодно, но должен соответствовать Сибири, войти в ее общую атмосферу сопутствующим движением».⁴⁸ Поэтому сибиряк, по Салманову, это в том числе «совместимость человеческой души с природным духом».⁴⁹

Практики нарративизации северного опыта геологического освоения показывают, что участниками освоения создается цепь взаимосвязанных рассказов, которая выполняет функцию нитей, связующих магистралей, соединяющих нас с сообществом исторического происхождения и совокупностью их впечатлений.

Коллектив геологов в своих нарративах репрезентирует образы Севера на двух различных уровнях: на уровне «нарративного базиса», платформе «больших» отраслевых нарративов, где образы рождаются в ходе проговаривания формулы «чего я/мы достигли на Севере», и на уровне «нарративной надстройки», благодаря которой происходит дополнительное осмысление на более высоком уровне абстрагирования и обобщения, с позиции «как я/мы преобразованы Севером», что явно заметно уже в «большом» тексте Ф. К. Салманова конца 1980-х гг.

Привязка геологических нарративов к конкретно-историческим реалиям конца 1950-х — начала 1960-х гг. позволяет скорректировать выявленные исследователями образы применительно к отдельному профессиональному сообществу. В рассказах геологов природа Севера предстает скорее не как «суровый, но по-своему красивый край»,⁵⁰ а как средство выживания и обретения личной и семейной автономии от формальных и неформальных институтов и сетей хрущевской эпохи.

Знакомство с северными реалиями не вызвало у геологов этой местности ощущение «края маргиналов», скорее они воспринимали ее как «край разнообразия», характеризующийся непривычной конфигурацией населения и зональностью расселения. Также необходимо отметить, что в историях рядовых геологов абстрактные образы Севера как территории прогресса и опережающего развития вытесняются метафорой «стройки через всю

⁴² Он же. Жизнь как открытие. С. 481.

⁴³ Там же. С. 480.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. С. 472.

⁴⁶ Салманов Ф. К. Я — политик: раздумья одного из создателей топливно-энергетической мощи страны. М., 2006.

⁴⁷ Он же. Сибирь — судьба моя. С. 121

⁴⁸ Он же. Жизнь как открытие. С. 147.

⁴⁹ Там же. С. 148.

⁵⁰ Агапов М. Г., Клюева В. П. Указ. соч. С. 17.

жизнь», которая объединяет их индивидуальный северный опыт путем привязки к одним и тем же объектам (строениям), организациям и фигурам (личностям) прошлого и настоящего.

Человеком, встраивавшим «большие» нарративы участников геологического освоения в пирамиду нарративов всероссийской памяти, являлся Ф. К. Салманов. Обладая статусом первооткрывателя сибирской нефти, он объединил в своем лице актора индустриального прогресса и фигуру памяти, связавшую локальные сети профессионального сообщества с внешним миром. Салмановским нарративом была предложена своеобразная программа описания «жизней на Северах», включающая все ключевые эпизоды (сюжеты) пути от прошлого к будущему трудовых коллективов нефтегазовой северной провинции позднесоветской эпохи.

Салмановский нарратив во многом формирует повестку «больших» нарративов других геологов, превращая их истории в рассказы спод-

вижников и последователей. Основой повестки, представленной Салмановым, становится версия значимых для всего профессионального сообщества отношений и событий, внутри которой отдельные члены сообщества проживают самые значимые события своих жизней.

Постсоветская *grand*-версия салмановских нарративов выходит за рамки дискурсивных контекстов, в которых протекают «реальные жизни» отдельных геологов. Мотивы эмансипации геологического сообщества, переоткрытие себя в качестве создателя профессионального сообщества, обладающего уникальным северным/сибирским опытом, и использование практик переключения масштабов знаменуют шаги на пути превращения «большого» нарратива Ф. К. Салманова в «великую» историю национального масштаба, арену обещаний яркого будущего и одновременно вестника грозных потрясений на службе настоящего и будущего геологического сообщества и всей страны.

Alexander S. Ivanov

Candidate of Historical Sciences, Tyumen State University (Russia, Tyumen)

E-mail: 88d@bk.ru

Vasily V. Rashevsky

Director, Memorial complex of pioneer geologists “House of F. K. Salmanov”, Surgut Museum of Local History; Tyumen State University (Russia, Surgut; Tyumen)

E-mail: vasilij_bfmv87@mail.ru

THE NORTH IN THE “BIG” AND “GRAND” NARRATIVES
OF GEOLOGICAL EXPLORATION

Based on the analysis of a series of biographical interviews, the article attempts to present the elaboration of the socio-cultural concept of “North” as part of the socially determined process of structuring the biographies of members of the professional team of geologists, to include the memory of the team of geologists in the broad socio-cultural context of the era. The analysis of various types of narratives (“big” and “grand”) of geological exploration allows the authors to trace the creation of a chain of interconnected stories that connect us with the community of historical origin and the totality of their experiences. The article shows that the abstract images of the North, in the stories of ordinary geologists, as a territory of progress and advanced development, are replaced by the metaphor of “construction through whole life”, which connects their individual northern experiences, linking them to buildings, organizations and figures of the past and present. F. K. Salmanov was a figure of memory who integrated the “big” narratives of the participants of geological exploration into the “pyramid” of narratives of All-Russian memory. His “grand” version of the narratives goes beyond the “North”. The post-Soviet texts are imbued with the motives of the emancipation of the geological community, and Salmanov himself is represented in them as the creator of a professional community with not only northern, but a unique Siberian experience. The geologist’s use of scale-switching practices marks steps towards transforming the “big” narrative of F. K. Salmanov’s contribution to the “grand” history on a national scale, and texts in the service of the present and future of geological community and the entire country.

Keywords: *geologists, Big oil, narratives, West Siberian oil and gas complex, F. K. Salmanov*

REFERENCES

Agapov M. G., Klyueva V. P. [‘The North is calling!’: the ‘northern attraction’ motif in the history of the Russian arctic development]. *Sibirskiye istoricheskiye issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2018, no. 4, pp. 6–24. DOI: 10.17223/2312461X/22/1 (in Russ.).

- Fina M. D., Georgakopoulou A. *Analyzing Narrative: Discourse and Sociolinguistic Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. (in English).
- Fischer W., Goblirsch M. Biographical structuring: Narrating and reconstructing the self in research and professional practice. *Narrative Inquiry*, 2006, vol. 16, iss. 1, pp. 28–36. DOI: 10.1075/ni.16.1.06fis (in English).
- Fischer W., Goblirsch M. Konzept und Praxis der narrativ-biographischen Diagnostik. *Sozialpädagogische Diagnostik und Fallverstehen in der Jugendhilfe*. Weinheim; München: Juventa Verlag, 2004, pp. 49–59. (in German).
- Freeman M. Telling stories. Memory and narrative. *Memory: histories, theories, debates*. New York: Fordham University Press, 2010, pp. 263–277. (in English).
- Freeman M. Life “on holiday”? In defense of big stories. *Narrative Inquiry*, 2006, vol. 16, iss. 1, pp. 131–138. DOI: 10.1075/ni.16.1.17fre (in English).
- Georgakopoulou A. *Narrative performances: a study of modern Greek storytelling*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Co, 1997. (in English).
- Georgakopoulou A. Thinking big with small stories in narrative and identity analysis. *Narrative Inquiry*, 2006, vol. 16, iss. 1, pp. 122–130. DOI: 10.1075/ni.16.1.16geo (in English).
- Gololobov E. [The Siberian North and the dynamics of an image: from Barren grounds to a Northern plain]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 137–152. DOI: 10.15826/qr.2017.1.216 (in Russ.).
- Hayden D. *The power of place: urban landscapes as public history*. Massachusetts: The MIT Press, 1995. (in English).
- Hodgkin K., Redstone S. Introduction: contested pasts. *Memory, history, nation: contested pasts*. New York: Routledge, 2003, pp. 1–21. (in English).
- Karpov V. P., Koleva G. Yu., Gavrilova N. Yu., Komgort M. V. *Zapadno-Sibirskiy neftegazovyy proyekt: ot zamysla k realizatsii* [West Siberian oil and gas project: from concept to implementation]. Tyumen: TyumGNGU Publ., 2011. (in Russ.).
- Komgort M. V. *Otkrytiye Zapadno-Sibirskoy neftegazonosnoy provintsii (1920–1960–ye gg.): doct. diss.* [Discovery of the West Siberian oil and gas province (1920–1960s): Diss. Doc.]. Ekaterinburg: IIA UrO RAN, 2020. (in Russ.).
- Konrad S. *Chto takoye global'naya istoriya?* [What is global history?]. Moscow: NLO Publ., 2018. (in Russ.).
- Lebina N. [Historian and anthropological turn: general and purely private]. *Lebina N. Passazhiry kolbasnogo poyezda: Etyudy k kartine byta rossiyskogo goroda: 1917–1991* [Lebina N. Passengers of a sausage train: sketches for a picture of a Russian city's life: 1917–1991]. Moscow: NLO Publ., 2019, pp. 7–20. (in Russ.).
- Liotard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984. (in English).
- Mazur L. N. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Historical research methods]. Ekaterinburg: UrGU Publ., 2010. (in Russ.).
- Salmanov F. K. *Zakonomernosti raspredeleniya i usloviya formirovaniya zalezhey nefti i gaza v mezozoysskikh otlozheniyakh Srednego Priob'ya: avtoref. doc. diss.* [Distribution patterns and conditions for the formation of oil and gas deposits in the Mesozoic sediments of the Middle Ob region: Abst. Diss. Doc.]. Novosibirsk, 1972. (in Russ.).
- Stafeev O. N. [F. K. Salmanov's memoirs as a resource on the history of West Siberian oil and gas industry in 1960s–1980s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2007, no. 294, pp. 166–169. (in Russ.).
- Stafeev O. N. [Image of region: industrial developing of the North of Western Siberia in public consciousness]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies], 2008, no. 20, pp. 360–370. (in Russ.).
- Stafeev O. N. [The image of the North of Western Siberia in the era of industrialization in the writings of memoirists]. *Istoricheskiye issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy: Sb. materialov III region. molodezhnoy nauch. konf.* [Historical research in Siberia: problems and prospects: Collection of materials of the 3rd regional youth sci. conf.]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN Publ., 2009, pp. 274–281. (in Russ.).

Для цитирования: Иванов А. С., Рашевский В. В. Север в «больших» и «великих» нарративах геологического освоения // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 164–172. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-164-172.

For citation: Ivanov A. S., Rashevsky V. V. The North in the “big” and “grand” narratives of geological exploration // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 164–172. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-164-172.